

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Издается с 1994 г.

Выпуск 13/14

*К 300-летию решения Петра I о создании университета
в Санкт-Петербурге*

Санкт-Петербург
2024

УДК 316
ББК 60.5
П78

Редакционная коллегия серии:
проф. А. О. Бороноев (отв. ред.), проф. Д. В. Иванов (отв. ред.),
проф. Е. А. Головин, доц. Ю. В. Асочаков, проф. Ю. Фельдхофф (ФРГ),
мл. науч. сотр. К. П. Гулькина (отв. секретарь)

Рецензенты:
д-р соц. наук, проф. В. И. Дудина (СПбГУ),
канд. соц. наук, доц. Ю. П. Байер (СЗИУ РАНХиГС)

*Печатается по решению Ученого совета факультета социологии
С.-Петербургского государственного университета*

Проблемы теоретической социологии. Вып. 13/14: межвуз. сб.
П78 / отв. ред. А. О. Бороноев, Д. В. Иванов. — СПб.: Скифия-Принт,
2024. — 432 с.
ISBN 978-5-

Сборник статей продолжает серию, начатую коллективом факультета социологии СПбГУ в 1994 г. Сдвоенный выпуск (13/14) представляет эволюцию взглядов ведущих российских и зарубежных теоретиков на развитие социологии за последние три десятилетия, а также актуальные теоретические разработки по наиболее перспективным направлениям социологических исследований. Сборник предназначен для социологов и для всех, кто интересуется изучением современного общества и теоретико-методологическими проблемами социального знания.

The collection of articles continues the series started at the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University in 1994. The double issue (13/14) presents the evolution of the views of leading Russian and foreign theorists on the development of sociology over the past three decades, as well as current theoretical developments in the most promising areas of sociological research. The collection is addressed to sociologists and for anyone interested in the study of modern society and theoretical and methodological problems of social knowledge.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-98620-753-7

© С.-Петербургский
государственный
университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (А. О. Бороноев, Д. В. Иванов)	5
--	---

Раздел I (Выпуск 13) ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

<i>Бороноев А. О., Головин Н. А., Иванов Д. В.</i> Движение теории через границы и сквозь эпохи (к 30-летию основания серии сборников «Проблемы теоретической социологии»)	11
<i>Луман Н.</i> Понятие общества	27
Социологические размышления: интервью с проф. Н. Луманом	46
<i>Шпакова Р. П.</i> Макс Вебер о проблеме ценностей в социальном знании.	60
<i>Ядов В. А.</i> Символические и примордиальные солидарности (социальные идентификации личности) в условиях быстрых социальных перемен.....	69
<i>Ватье П.</i> Метод понимания, социальность и проблема устройства общества	86
<i>Бек У.</i> Собственная жизнь в развязанном мире: индивидуализация, глобализация и политика	110
<i>Иванов Д. В.</i> Эволюция концепции глобализации.....	124
<i>Вивьорка М.</i> Мутация социальных наук: введение	157
<i>Романовский Н. В.</i> Современная социология — тенденции и потенциал роста.....	174
<i>Зборовский Г. Е.</i> Проблема знания в социологии и социологическом образовании.....	191
<i>Кравченко С. А.</i> Развитие социологического знания: востребованность интегрализма	216
<i>Тощенко Ж. Т.</i> Смысл жизни: новое в теории и методологии социологического знания	238

Раздел II (Выпуск 14)
АКТУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ЕЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

<i>Иванов Д. В., Асочаков Ю. В., Гулькина К. П.</i> Теоретическая социология в XXI веке: тенденции фрагментации и потенциал интеграции	255
<i>Титаренко Л. Г.</i> Проблемы теоретической социологии в России и мире	287
Теоретическая социология и вызовы глобальных трендов: интервью с проф. Н. Геновым	300
<i>Подвойский Д. Г., Спиркина А. К.</i> Цветок на лугу, или как коллективное прорастает в индивидуальном (к социологическому портрету общества модерна)	320
<i>Ломоносова М. В., Быков А. С.</i> Война как объект социологического анализа в научных трудах Питирима Сорокина и Николая Головина: от истории к современности.....	335
<i>Головин Н. А.</i> Амитоология против онтологии вражды: этика Питирима А. Сорокина и теория политического Карла Шмитта как картины мира.....	351
<i>Федорова С. А.</i> Эмпирические онтологии А. Н. Уайтхеда и Б. Латура: сравнительный анализ	362
<i>Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Камышина Е. А., Куражев С. Д.</i> Концептуальные ориентации исследований мобильности в российской социальной науке.....	388
<i>Орех Е. А.</i> Ещё раз о предмете визуальной социологии.....	402
<i>Богомяжкова Е. С.</i> На пути к новой теории социальных проблем	413

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нам чрезвычайно приятно представить читателям новый сборник научных статей в серии «Проблемы теоретической социологии». В представляемом сборнике продолжается начатое 30 лет назад (в 1994 году) обсуждение актуальных тем теории и методологии социологии ведущими российскими и зарубежными учеными. Как известно, решения вопросов теории и методологии скрепляют, собирают воедино любую науку, закладывают ее фундамент, задают перспективы развития, определяют место среди других областей знания. Ставить и решать такие вопросы на страницах сборников нашей серии стало традицией для социологов, принадлежащих к разным региональным и национальным школам, к разным поколениям.

Этот выпуск сборника необычный, он сдвоенный. Такая форма была выбрана, чтобы отметить сразу три знаменательные даты для социологического сообщества Санкт-петербургского университета. И первая среди знаменательных дат, безусловно, **300-летие** судьбоносного указа Петра Великого, повелевшего в 1724 году создать в Санкт-Петербурге академию наук, академический университет и академическую гимназию. Тем самым было предначертано будущее развитие отечественной университетской науки, ставшей со временем значимой частью науки мировой. Юбилею славного события в нашей истории мы посвящаем Выпуск 13 нашего сборника, представляющего многолетний вклад социологов в развитие науки в нашем университете, в развитие его в качестве всемирно признанного научно-образовательного центра.

В этом выпуске, составившем первый раздел книги, объединены анализ содержания и достижений серии «Проблемы теоретической социологии» за 30 лет (1994–2024) в статье А. Бороноева, Н. Головина, Д. Иванова и «мозаичная» картина эволюции социологического

теоретизирования, включающая 12 избранных текстов из прошлых выпусков. В избранные 12 статей вошли работы «звезд» европейской социологии Н. Лумана, У. Бека (Германия), М. Вивьорки, П. Ватье (Франция), а также ведущих отечественных теоретиков и историков социологии — В. Ядова, Р. Шпаковой, Г. Зборовского, Н. Романовского, С. Кравченко, Ж. Тощенко, Д. Иванова. Из более чем 200 статей, опубликованных в предыдущих 12 выпусках сборника, отобраны были те, что могут рассматриваться как характерные, репрезентирующие развитие теоретизирования в социологии на переломе эпох. Этой подборкой мы постарались на страницах сборника не столько дать ретроспективу, сколько обозначить перспективу в развитии социологии. Тексты рубежа XX–XXI вв. показывают, как эволюционировали взгляды на настоящее и будущее социологии. Авторские точки зрения на судьбы социологии теперь предстают как точки и векторы на той траектории развития, которую научное сообщество продолжает выстраивать в новых условиях. Оглянуться на достигнутое за десятилетия, чтобы лучше понять сегодняшние проблемы и найти для них лучшие решения — главная задача представляемого выпуска сборника.

Вторая знаменательная дата, к которой приурочен выход нового сборника «Проблемы теоретической социологии», — это **35-летие** Факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Этому событию мы посвящаем Выпуск 14 нашего сборника, который составляет второй раздел книги и в который включены 10 текстов ведущих отечественных и зарубежных социологов. Среди статей есть работы российских теоретиков, нацеленные на глубокий анализ общих оснований, проблем и перспектив развития современной мировой социологии — текст о периодах фрагментации и интеграции в нашей науке, написанный петербуржцами Д. Ивановым, Ю. Асочаковым, К. Гулькиной, текст о соотношении коллективного и индивидуального в современном обществе, присланный москвичами Д. Подвойским и А. Спиркиной. Интересно и полезно сопоставить эти тексты с подходами к тем же проблемам, нашедшими отражение в работах зарубежных коллег — Л. Титаренко (Беларусь) и Н. Генова (Германия). Оригинальное прочтение классических работ и неожиданное сближение разных классиков из разных эпох и исследовательских областей можно найти в текстах Н. Головина, М. Ломоносовой

и А. Быкова, С. Федоровой, достойно продолжающих традиции историко-социологической школы, созданной за годы существования Факультета социологии СПбГУ. Другой ряд статей петербургских исследователей демонстрирует прикладные возможности современных социологических теорий, успешно применяемых в различных направлениях научного поиска — в изучении социальной мобильности (статья П. Дерюгина и Л. Лебединцевой с соавторами), визуального опыта в современном обществе (статья Е. Орех), социальных проблем (статья Е. Богомяковой).

Третья значимая дата, которой посвящен новый сдвоенный выпуск сборника «Проблемы теоретической социологии» — это **30-летие** самого издания. К юбилею серии сборников, первый из которых вышел в далеком уже 1994 году, подготовлена представляемая читателям книга. Юбилейный сборник задуман как веха, знаковое издание, в котором отчетливо показаны и эволюция теоретической социологии, и концептуальные инновации, и смена поколений в науке, и поддержание ее традиций. От имени редакционной коллегии мы выражаем благодарность всем авторам, внесшим вклад в создание серии на протяжении всей ее истории. Надеемся, что представляемый сборник будет интересен и полезен профессиональному сообществу социологов и внесет свой вклад в теоретические дебаты, задающие высокие научные стандарты и создающие атмосферу живого человеческого общения.

*А. О. Бороноев, Д. В. Иванов
Санкт-Петербург, ноябрь 2024 г.*

Раздел I
(Выпуск 13)

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ
НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

А. О. Бороноев, Н. А. Головин, Д. В. Иванов¹

ДВИЖЕНИЕ ТЕОРИИ ЧЕРЕЗ ГРАНИЦЫ И СКВОЗЬ ЭПОХИ

**(к 30-летию основания серии сборников
«Проблемы теоретической социологии»)²**

В 2024 году исполнилось 30 лет со времени публикации сборника «Проблемы теоретической социологии» [4], ставшего первым выпуском в серии, продолжающейся и поныне. Знаменательная дата в истории этого по-своему уникального в сегодняшней отечественной социологии периодического издания (а на сегодня вышло уже 14 выпусков сборника) дает повод проанализировать его вклад в развитие теоретической социологии.

В сегодняшней ситуации, когда доминирующим каналом научной коммуникации становятся журналы, включенные в национальные и международные наукометрические системы, серии сборников статей могут представляться анахронизмом. Однако для объяснения феномена «Проблем теоретической социологии» следует понимать, что в Санкт-Петербургском госуниверситете существует давняя традиция подобного рода периодических изданий — сборников статей по гуманитарным и социальным наукам.

В социологии она восходит к сборникам «Новые идеи в социологии» (1913–1914), издававшимся М. Ковалевским и Е. де Роберти и послужившим становлению поколения социологов начала XX в. [3] В те годы такие сборники представляли собой движение в России к более тесной интеграции с европейской наукой. В советский период в условиях идеологического противостояния и научной конкуренции со странами Запада издание сборников по социальным и гуманитарным

¹ *Бороноев Асалхан Ользонович* — д-р филос. наук, почетный профессор Санкт-Петербургского университета (СПбГУ); *Головин Николай Александрович* — д-р социол. наук, профессор факультета социологии СПбГУ; *Иванов Дмитрий Владиславович* — д-р социол. наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии СПбГУ.

² Статья представляет собой расширенную версию текста, опубликованного к 25-летию юбилею сборника: *Бороноев А. О., Головин Н. А., Иванов Д. В.* Актуальное звучание социологической теории (25 лет серии «Проблемы теоретической социологии») // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 115–124.

дисциплинам в Ленинградском государственном университете (ЛГУ) было возобновлено. Так, на философском факультете ЛГУ выходил в свет сборник статей «Актуальные проблемы критики современной буржуазной философии и социологии» (1977–1987), сыгравший значительную роль в профессиональной подготовке многих будущих сотрудников факультета социологии, созданного в университете в 1989 г. [1].

Творческий замысел сборника «Проблемы теоретической социологии» был связан с указанной научно-исторической традицией и стал в новых условиях постсоветской социологии востребованным средством научной коммуникации, дающим возможность знакомства российских ученых с новыми достижениями в мировой социологии, с одной стороны, и предоставляющим дискуссионную площадку для теоретического обсуждения проблем современного общества, с другой стороны.

В период интенсивной институционализации социологии в нашей стране в конце 1980-х — середине 1990-х гг. резко выросшее численно сообщество исследователей, преподавателей и студентов столкнулось со многими проблемами, но с научной точки зрения на первом месте стояли вопросы теоретической подготовки, освоения теоретического наследия мировой и отечественной социологии, приобретения навыков применения и развития социологических теорий в новой ситуации концептуального и методологического плюрализма, сменившего прежний идейный монополизм советского марксизма.

В университетах особенно, даже острее, чем в научно-исследовательских организациях, чувствовались дефицит актуальных источников по теоретической социологии и нехватка квалифицированных социологов, знакомых с теоретическими основаниями современной социологии и умеющих вести теоретико-методологические изыскания и обеспечить методологическую базу для эмпирических исследований в ситуации мультипарадигмальности. Далеко не всеми университетскими социологами вполне осознавалась в тот момент необходимость в преподавании и в исследовательской работе теоретического плюрализма, мультипарадигмального подхода.

Факультет социологии Санкт-Петербургского университета для решения этих проблем пошел по пути расширения и интенсификации академических обменов на международном уровне. Факультет

установил в 1992 г. договорные отношения с факультетом социологии Билефельдского университета (Германия). Эти отношения при финансовой поддержке со стороны Германской службы академических обменов (DAAD) оформились в систематическое сотрудничество, ускорившее освоение имеющегося опыта в подготовке социологов и на этой основе составление и реализацию учебного плана и учебных программ, соответствующих мировым стандартам. Затем в 1995–1997 гг. вместе с коллегами из Билефельда, а также при участии социологов Университета гуманитарных наук Страсбурга и Нового университета Лиссабона, Факультет социологии СПбГУ реализовал проект «Обновление преподавания социальных наук в Санкт-Петербургском университете» по программе “Tempus-Tacis”.

В рамках реализации программ сотрудничества особо чувствовалась необходимость специального теоретического издания, где представлялись бы идеи и традиции европейской социологии и активно участвовали бы отечественные учёные и особенно молодые. Понимая эту потребность, декан Факультета социологии проф. А. Бороноев выступил с идеей подготовки сборника статей ведущих социологов России и Германии. Эта идея, поддержанная координатором программ сотрудничества с германской стороны проф. Ю. Фельдхоффом, была реализована в опубликованном в 1994 г. сборнике «Проблемы теоретической социологии» [4].

Выход сборника стал заметным событием для российского социологического сообщества и внес существенный вклад в институционализацию социологии и в развитие международной научной коммуникации. Сборник вызвал интерес и оказался особенно востребован в подготовке социологов не только что созданных в стране факультетах и кафедрах. Например, по свидетельству С. Григорьева, в то время декана факультета социологии Алтайского университета, «Проблемы теоретической социологии» оказали «заметное влияние на развитие социологических исследований в Алтайском университете, особенно тех из них, что касались теоретико-методологических вопросов» [2].

Успех сборника был обусловлен объединением в нем текстов ведущих социологов России и Германии и разнообразием, вплоть до полярного расхождения, теоретических подходов. Так на страницах сборника конструкционистский подход в статье В. Ядова о символических и примордиальных солидарностях [4: 169–183] встречается

с критикой такого рода подхода с позиций ортодоксального материализма в статье В. Ельмеева [4: 102–109]; новейшая версия теории социальных систем Н. Лумана [4: 25–42, 43–54] соседствует с более традиционными моделями общества как системы в статьях М. Комарова и И. Яковлева [4: 9–22, 142–151]; обзор современного состояния социальной теории в исполнении Р. Гратхоффа [4: 126–141] дополняет новое прочтение классиков — К. Маркса в статье Д. Иванова [4: 73–86] и М. Вебера в статье Р. Шпаковой [4: 118–125]. Главному редактору сборника А. Бороноеву удалось организовать по сути первый диалог социологов России и Германии и наметить и поныне актуальный путь интеграции мультипарадигмальной социологии.

Публикация работ Н. Лумана в «Проблемах теоретической социологии» сыграла важнейшую роль в распространении его идей в российском социологическом сообществе. Луман, с которым член редколлегии «Проблем теоретической социологии» познакомил его коллега по Билефельдскому университету Ю. Фельдхофф, к тому времени был профессором в статусе «emeritus», то есть уже не преподавал, а только занимался теорией. Он живо откликнулся на предложение о сотрудничестве, дал интервью для сборника и отобрал для публикации самые важные для первого знакомства с его теорией небольшие работы — статьи «Понятие общества» и «Почему необходима системная теория?». В те годы Луман был известен в России лишь узкому кругу специалистов и в основном по реферативным изложениям его работ. Кроме пары статей, переведенных на русский язык А. Филипповым, при разработке лумановского понятийного аппарата на русском языке не на что было опереться. Переводческая работа, порученная тогда доценту, а ныне профессору Факультета социологии СПбГУ Н. Головину, оказалась трудной, но результат публикации этих текстов оправдал все усилия.

На страницах «Проблем теоретической социологии» произошло первое знакомство широкой читательской аудитории в России с ядром теории Лумана и с его взглядами на современную социологию. Именно на статьи, опубликованные в «Проблемах теоретической социологии», больше всего ссылаются при анализе теории Лумана российские социологи. В этом легко убедиться, обратившись к информационной системе РИНЦ. Библиографический анализ показывает, что публикации работ Лумана в первом и последующих вы-

пусках «Проблем теоретической социологии» и сегодня остаются значимыми и востребованными: вся библиография Лумана на русском языке насчитывает 33 наименования его работ, 6 из которых вошли в выпуски сборника — это заметная доля.

Представленный на страницах «Проблем теоретической социологии» диалог российских и германских социологов вызвал отклик не только в отечественном научном сообществе. При обсуждении в 1997 г. с алтайскими социологами идеи выпустить международный сборник, представляющий новые теоретические направления и концепции, известный французский социолог Р. Будон упомянул опыт «Проблем теоретической социологии», правда, указав на «зацикленность» издания на немецкой социологии, особенно на Лумане [2]. Критику со стороны Будона следует признать обоснованной, хотя и несколько запоздалой. К этому моменту уже вышел в свет второй выпуск «Проблем теоретической социологии» [5], в котором, наряду с германскими социологами, были представлены французские исследователи из Страсбурга Р. Пфефекорн и Ф. Рафаэль. В дальнейшем авторами сборника становились также французы П. Ватье [6: 70–90] и М. Вивьорка [10: 44–58], бывший президентом Международной социологической ассоциации (ISA) в 2006–2010 гг.

Осознавая необходимость широкого представления зарубежной социологии в сборнике, его редколлегия стремится поддерживать международный характер издания с первого выпуска и по настоящее время. Одновременно серия сборников стала и дискуссионной площадкой для отечественных социологов, представляющих не только традиционно многочисленные и сильные в теоретическом отношении профессиональные сообщества Санкт-Петербурга и Москвы, но также и другие региональные исследовательские группы и школы. С 1994 г. по 2024 г. вышло в свет 14 выпусков «Проблем теоретической социологии», содержащих 261 статью (без учета 12 статей в Вып. 13, которые были отобраны из прежних выпусков для юбилейного сборника), и можно видеть, как с годами менялось на страницах сборника представительство различных стран и регионов (табл. 1).

Как можно видеть, в среднем выпуск сборника представляет собой книжное издание объемом около 300 страниц, содержащих порядка 20–25 авторских статей, среди которых доминируют тексты Санкт-петербургских социологов, однако обязательно представлены

Таблица 1. Количество статей и представленность различных стран и регионов в сборнике «Проблемы теоретической социологии»

	Вып. 1 (1994)	Вып. 2 (1996)	Вып. 3 (2000)	Вып. 4 (2003)	Вып. 5 (2005)	Вып. 6 (2007)	Вып. 7 (2009)	Вып. 8 (2011)	Вып. 9 (2012)	Вып. 10 (2014)	Вып. 11 (2016)	Вып. 12 (2019)	Вып. 13/14 (2024)
Количество статей	19	24	21	20	25	30	17	18	19	19	20	18	23 (11)*
Количество авторов статей	19	29	21	21	28	33	18	19	21	20	23	26	27 (18)*
Количество авторов, представляющих различные страны и регионы													
Россия	13	22	17	15	27	30	15	19	21	20	23	20	21 (16)*
Санкт-Петербург	8	14	15	11	18	25	14	14	15	14	20	16	15 (14)*
Москва	3	5	–	1	1	3	–	2	1	2	2	1	6 (2)*
Другие регионы РФ	2	3	2	4	7	3	1	2	4	4	1	3	1 (–)*
Западная Европа	6	7	3	3	1	1	3	–	–	–	–	–	5 (1)*
Страны СНГ	–	–	–	2	–	2	–	–	1	–	–	–	1 (1)*
Страны Азии	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	6	–

* В скобках указано число впервые публикуемых в сборнике статей / их авторов. Общее число статей и авторов в Вып. 13/14 учитывает и те тексты (и их авторов), которые вошли в юбилейный выпуск из выпусков прежних лет.

социологи из других регионов России и из других стран. Структура представленности различных национальных и региональных социологических школ заметно менялась на протяжении четверти века, и можно выделить разные периоды в истории «Проблем теоретической социологии», отражающие специфику направленности поисков на глобальной карте социологии тех источников для теоретизирования и концептуального обмена, которые в данный момент считаются перспективными.

В первый период истории издания (1994–2009, всего 7 выпусков) в условиях дефицита актуального содержания теоретической социологии на постсоветском пространстве сборник обеспечивал, прежде всего, непосредственную связь российского социологического сообщества с западноевропейской социологией. В выпусках с 1-го по 7-й германские и французские авторы были обязательно представлены наряду с петербуржцами и москвичами, а также исследователями из некоторых российских регионов и стран СНГ.

Второй период (2011–2016, всего 4 выпуска) характеризуется тем, что, начиная с 8-го выпуска (2011), сборник становится в основном российской площадкой для теоретического исследования проблем современного общества и анализа путей развития социологии. Авторская география «Проблем теоретической социологии» теперь ограничивается российским социологическим сообществом и некоторыми странами СНГ. При этом на страницах сборника численно доминируют санкт-петербургские социологи, Москва и другие регионы России представлены меньше.

Третий период начался с выходом 12-го выпуска (2019), в котором после долгого перерыва вновь были представлены социологи из дальнего зарубежья. Сборник снова приобретает отчетливо международный характер, однако, в отличие от выпусков первого периода, поиск зарубежных теоретико-социологических работ теперь направлен не только на Запад, но и на Восток. В 2019 году в «Проблемах теоретической социологии» рядом с текстами российских исследователей представлены работы социологов из Китая и Турции [15]. В юбилейном сдвоенном выпуске 13/14 (2024), вышедшем в непростое для международных связей российской науки время, возобновлен теоретический диалог западно- и восточноевропейских социологов.

Метатеоретический анализ тематики статей, вошедших во все выпуски «Проблем теоретической социологии», показывает, что публикации распадаются на три главных направления в проблематизации социологического теоретизирования.

Первое направление теоретизирования представлено работами по общей теории, по фундаментальным теоретико-методологическим проблемам социологии как науки в целом, а также работы, содержащие концептуальный анализ различных парадигм и подходов и опыта их развития в современной социологии. В качестве наиболее

показательных примеров такого рода общетеоретических и парадигмальных текстов можно назвать статьи Н. Лумана с изложением основ его теории социальных систем [4: 25–42, 43–54; 5: 112–127; 6: 29–42, 43–54], У. Бека о соотношении индивидуализации и глобализации в посттрадиционном обществе [7: 211–221], М. Вивьорки о «мутации» социальных наук в направлении мультипарадигмальности [10: 44–58], П. Ватье о социальности в контексте понимающей социологии [6: 70–90], Ж. Тощенко о парадигмах, уровнях и структуре социологического знания [9: 49–63], В. Култыгина о проблемах социального познания и трендах мировой социологической методологии [7: 11–23; 9: 28–38], О. Иванова о современном состоянии социологической методологии [9: 9–27], С. Кравченко о развитии социологии на базе интегралистского подхода [13: 33–50], Н. Романовского о тенденциях развития современной социологии [11: 10–25]. В новом, 14-м выпуске серии это общетеоретическое направление о настоящем и будущем социологии развивают статьи Д. Иванова (в соавторстве с Ю. Асочаковым и К. Гулькиной), Л. Титаренко, Д. Подвойского (в соавторстве с А. Спиркиной), интервью с Н. Геновым.

Второе направление теоретизирования образуют тексты, в которых ставятся и решаются теоретико-методологические проблемы отраслевых социологий, их предмета, рассматриваются формы адаптации различных теорий в исследовании отдельных областей социальной жизни. Примерами статей, направленных на создание теорий среднего уровня для отраслевых социологий, могут служить статьи Г. Зборовского [4: 110–117; 11: 39–60] и И. Ковалева [12: 123–132], развивающие социологию образования; статьи М. Смирнова [8: 160–164] и Е. Островской [9: 278–300; 10: 191–206], анализирующие традиционные и инновационные подходы в социологии религии; статьи Ю. Фельдхоффа [4: 224–235; 5: 263–276] и Л. Лебединцевой [12: 66–76], переопределяющие в контексте сдвига к постиндустриализму предмет социологии труда; а также статьи Х. Абельса [7: 264–283] и О. Иванова [6: 239–247], представляющие различные подходы в предметном поле социологии молодежи. В новом сборнике эту «отраслевую» линию теоретизирования удачно продолжена в статьях Е. Орех о визуальной социологии, Е. Богомягковой о новых подходах к анализу социальных проблем, П. Дерюгина и Л. Лебединцевой с соавторами об исследованиях мобильности.

Третье направление теоретизирования представлено в статьях, посвященных историко-теоретическим проблемам мировой и отечественной социологии, дающих современную интерпретацию содержанию и теоретико-методологическому значению работ классиков и позволяющих сквозь призму классических подходов ставить и решать актуальные проблемы теоретической социологии. Здесь примерами являются работы Р. Шпаковой [4: 118–125; 8: 345–358] и Р. Лепсуса [10: 59–68] о наследии М. Вебера, П. Ватье с интерпретацией идеи Г. Зиммеля, [70–90], а также статьи В. Бочкаревой [10: 295–308; 13: 272–285], М. Ломоносовой [15: 232–242], М. Синютина [16: 230–249], проблематизирующие изучение наследия отечественных социологов прошлого, и статья Н. Осиповой [13: 239–271], по-новому ставящая проблему освоения истории зарубежной социологии. В новом сборнике историко-социологическое направление представлено статьями Н. Головина и М. Ломоносовой (в соавторстве с А. Быковым), дающими оригинальные трактовки разным аспектам богатого теоретического наследия Питирима Сорокина.

Характерное для структуры сборника «Проблемы теоретической социологии» тематическое разделение на направления теоретизирования отражает давнюю и фундаментальную проблему теоретической социологии. К этой проблеме авторы сборника обращаются постоянно с момента основания серии. Так, в первом выпуске сборника Г. Зборовским эта проблема обозначена как «рвов» между общей теорией и отраслевым знанием [4: 110]. Заполнение такого рода «рвов» исследовательским материалом, предоставляемым авторами статей по разным направлениям и на разных уровнях теоретизирования, является пока единственно возможным способом если не решить окончательно эту проблему, то сделать ее менее драматичной.

На первом уровне теоретизирования, уровне социологических парадигм, в «Проблемах теоретической социологии» представлены разнообразные адаптации существующих и попытки развития новых парадигм и одновременно дано место попыткам актуализировать старые парадигмы.

В заслугу авторам сборника можно поставить, в первую очередь, то, что их статьи существенно обогатили отечественную теоретическую социологию концептуальным материалом, созданным в рамках

трех имеющих огромное влияние в мировой социологии парадигм. Этими тремя парадигмами являются:

– *системная теория 3-го поколения*, разработанная Н. Луманом и представляющая социальность как эффект коммуникаций [4: 25–42, 43–54; 6: 29–42, 43–54; 7: 24–35];

– *глобализационная парадигма*, представленная в статьях У. Бека [7: 211–221], Д. Иванова [7: 174–198], Ч. Кирвеля [7: 222–241], К. Абрамовой [8: 129–142], Г. Леманна [8: 143–159] как дискурс, релятивизировавший «методологический национализм» и утвердивший транс-национальные структуры, организации и движения в качестве нового предмета социологии;

– *конструкционизм*, эволюционировавший на страницах сборника от альтернативного подхода, позволяющего изучать создание и поддержание идентичностей и символических солидарностей, в статье В. Ядова [4: 169–183] до мощного методологического аппарата, раскрывающего широкий спектр механизмов идентификации и даже создания социальных проблем и девиаций, в статьях Я. Гиллинского [12: 161–167], Е. Богомягковой [11: 177–192; 12: 150–160], Ю. Верминенко [11: 193–204; 14: 152–159].

Развивая теоретическую социологию в русле мировой социологии, все больше фокусирующей внимание на коммуникациях, проникающих через структурные и локальные границы, на символических конструктах и на подвижности и условности социальной реальности, отечественные авторы представили на страницах «Проблем теоретической социологии» собственные поиски новых парадигм. Так, именно в этом сборнике впервые была сформулирована Д. Ивановым *теория виртуализации общества* [5: 93–111; 7: 273–284], а затем как продолжение этой линии концептуализации им был представлен предварительный набросок *теории потоковых структур* [11: 101–113]. Анализируя те же тенденции социокультурных изменений и опираясь во многом на те же теоретические источники, С. Кравченко предложил оригинальную *теорию игризации общества* [8: 33–46] и *концепцию текучей морали* [11: 78–100]. Еще одним примером творческих поисков новой парадигмы можно считать работы Ж. Тощенко, представившего концепцию социального настроения как объекта социологического анализа [5: 35–46] и позднее развившего *концепцию социологии жизни* [14: 134–147]. Судя по высоким уровням цитируе-

мости в РИНЦ, названные теоретические идеи вправе претендовать на статус парадигмальных, так как у них есть свои последователи и интерпретаторы.

Наряду с тенденцией адаптации существующих и создания новых парадигм в русле общего развития современной социологии, в «Проблемах теоретической социологии» можно обнаружить и тенденцию модернизации теоретической архаики. В стремлении описывать и объяснять современные явления и процессы многие отечественные социологи предпочитают черпать вдохновение не в нынешнем социологическом мейнстриме и авангарде, а в философских по преимуществу концепциях прошлого и даже позапрошлого века.

Ярким примером такого подхода к решению проблем теоретической социологии является потребительно-стоимостная теория, представленная в работах В. Ельмеева [4: 102–109; 6: 117–125] и Е. Тарандо [7: 326–341; 8: 331–344], которые приспособливают ортодоксальный диалектический и исторический материализм к условиям постиндустриального общества. Чуть более современно выглядят структурно-динамические модели социальных систем в работах И. Яковлева [4, 142–151; 5: 72–80], М. Комарова [4: 9–22], В. Плахова [6: 9–28], однако развиваемые в них версии системной теории 1-го и 2-го поколений после лумановского поворота требуют уже радикального пересмотра.

Также любопытными попытками модернизации теоретической архаики следует признать концепцию (нео)витализма, развиваемую С. Григорьевым и Ю. Растовым [8: 108–116, 117–128], универсальную парадигму, представленную В. Немировским [7: 99–114], ценностно-деятельностный подход и теорию служебно-домашней цивилизации П. Смирнова [6: 132–143]. И совершенной экзотикой в контексте актуальных трендов социологического теоретизирования предстают работы В. Фетисова и Д. Мутагирова [15: 24–35, 36–54], нацеленные на реанимацию идеи социализма как альтернативной капитализму общественной системы.

Совмещение продвинутых форм теоретизирования и тех, что в перспективе сегодняшних трендов в социологии выглядят архаичными, отражает позицию редколлегии сборника, придерживающейся мультипарадигмального подхода и установки на интеграцию теоретической социологии на основе признания плюрализма, открытой дискуссии и отказа от догматизма.

Среди работ, не претендующих на разработку общесоциологической парадигмы, а нацеленных на создание теорий среднего уровня, следует выделить фундаментальные по глубине анализа и масштабные по охвату разных подходов концепции интегральных теорий специфических социальных феноменов. Внимания заслуживают концепция построения теории политической социализации, разработанная Н. Головиным [8: 47–69], концепция теории традиционных и транснациональных религиозных идеологий, созданная Е. Островской [9: 278–300; 10: 191–206], концепция теоретических оснований социологии питания, предложенная Ю. Веселовым [13: 168–198].

За 30 лет существования сборника «Проблемы теоретической социологии» в нем представлено так много столь разных тематик, подходов, концепций и теорий, что краткий обзор и анализ их всех становится практически невозможным. Нарастающей проблеме отсутствия единой логики в том многообразии уровней и парадигм, которые сосуществуют в современной теоретической социологии, был в значительной степени посвящен 6-й выпуск сборника (2007). Представленные в нем идеи О. Иванова и А. Дайкселя найти единое онтологическое и эпистемологическое основания и таким образом преодолеть методологическую фрагментацию современной социологии [9: 9–27, 207–238] выглядят идеалистическими и потому не дают того решения проблемы, которому бы последовало научное сообщество. Прагматические решения, лежащие в русле метатеоретизирования, предложенного Дж. Ритцером [19], предполагают не интеграцию социологических теорий в одну, а интеграцию теоретической социологии как установление межтеоретических отношений, задающих общую перспективу «поверх» различий и противоречий среди отдельных теорий. Поворотом на путь прагматических решений проблемы мультипарадигмальности предстает 10-й выпуск «Проблем теоретической социологии» (2014), в котором идеи «арочного» метатеоретизирования и нового интегрализма были представлены в статьях В. Дудиной и С. Кравченко [13: 94–102, 33–50]. В 14-м выпуске эту прагматическую линию метатеоретизирования продолжает статья Ю. Асочакова, К. Гулькиной и Д. Иванова об интегральных решениях в теории и методологии на базе концепции дополненной социальной реальности.

Вышедший в 2019 г. 12-й выпуск «Проблем теоретической социологии» также во многом стал поворотным. В нем впервые в отече-

ственной социологии поставлена в качестве теоретической проблемы задача изучения *постглобализации* [15: 9–23]. Глобализация, обещающая структурную гомогенность и культурную унификацию, осталась в прошлом. Происходит не планетарное распространение институтов современного общества, а локализованное замещение привычных для современности структур интенсивными потоками. Так что предмет изучения сегодняшней так называемой глобальной социологии — это не тотальность обществ и отношений между ними, а сети и потоки, генерируемые суперурбанизированными анклавами дополненной современности, с одной стороны, и возникновение институциональных и локальных барьеров на путях социального развития.

Процессы постглобализации и развития дополненной социальной реальности являются вызовом привычным социологическим подходам и связанным с ними моделям социального развития, сфокусированным на институтах и сообществах, укорененных в индустриальном обществе западного типа.

В сегодняшней социологии постглобализационные тенденции можно видеть в критике «европоцентризма» [17] и проектах «южной теории» [18], развивающих ценный потенциал «аборигенных» социологий, сложившихся за пределами глобального Севера и Запада. На этом фоне симптоматичным выглядит и изменение ориентиров «Проблем теоретической социологии» в поисках авторов и идей. В 12-м выпуске сборника впервые были представлены работы китайских социологов и анализ китайской социологии и китайской модели социального развития российскими исследователями [15: 94–101, 153–164, 165–187, 194–211, 212–229]. После движения в направлении западной социологии в 1990-х, отчетливо выразившегося в подборе тем и авторов в первых трех выпусках, во втором десятилетии нового века наметился поворот «внутрь / вглубь» российской социологии и «на Восток» — к неевропейским и неамериканским социологическим сообществам.

В третье десятилетие, в середину нового века «Проблемы теоретической социологии» входят двояким юбилейным выпуском 13/14, в котором редакционная политика нацелена на достижение баланса национальных и международных, западных и восточных источников и направлений теоретизирования. Подборка статей, представляющих эволюцию теоретической социологии на рубеже

XX–XXI вв. и включающая как работы мировых «звезд» Н. Лумана, У. Бека, М. Вивьорки, так и работы лидеров отечественного научного сообщества В. Ядова, Ж. Тощенко, С. Кравченко, Г. Зборовского и др., составляет Вып. 13 и представляет историю самого сборника с 1994 до 2019 г. А в Вып. 14 проблемы теоретической социологии на современном этапе ее развития обсуждают социологи с восточноевропейским бэкграундом, но давно и успешно включенными в международное научное сообщество — Н. Генев (Болгария — Германия), Л. Титаренко (Беларусь), Н. Головин (Россия), Д. Иванов (Россия) и др.

Подводя итог обзору 30-летнего развития серии «Проблемы теоретической социологии», можно сформулировать ряд выводов.

Во-первых, сборник сыграл важную роль в поддержании научной коммуникации в сложный период становления постсоветской социологии, преодолевавшей теоретический догматизм прежней эпохи и оторванность от теоретического дискурса мировой социологии.

Во-вторых, сборник и сейчас выполняет интеграционную функцию в теоретической социологии, и хотя полная теоретическая интеграция в социологии не достигнута, научное сообщество стало более интегрированным, благодаря теоретическим коммуникациям на основе признания мультипарадигмального подхода. Решения проблем теоретической социологии выводятся на метатеоретический уровень одними авторами и погружаются в толщу теорий среднего уровня другими. Сборник объединил отечественных социологов на поприще обсуждения теоретических проблем, вокруг издания круг постоянных авторов разных поколений и из различных регионов страны.

В-третьих, теоретические поиски и изменение круга авторов, чьи публикации вошли в сборники серии, указывают на общий концептуальный и методологический поворот в развитии современной социологии: от столкновения парадигм к утверждению мультипарадигмального подхода и от прозападной модели глобализации социальных структур и социального знания в конце XX в. к концепциям в русле постглобализации во втором десятилетии XXI в. В текстах, составивших 14 выпусков теоретического сборника, наглядно отразились главные тенденции социального развития последних десятилетий и стремления социологов понять и объяснить себе и общественности эти тенденции.

Успешное существование серии «Проблем теоретической социологии» релятивизирует знаменитый некогда тезис об отсутствии в России теоретической социологии. В условиях постсоветского кризиса дисциплинарной коммуникации А. Филиппов отмечал, что теоретической социологии в стране практически нет: нет обширных и постоянных коммуникаций по тематике фундаментальной теории; нет обширных концептуальных построений; нет достаточно самостоятельных последователей какой-либо западной школы [16]. Столь критичный взгляд на ситуацию в российской социологии мог восприниматься всерьез в середине 1990-х гг., однако уже к концу того кризисного десятилетия на страницах «Проблем теоретической социологии» можно было найти все три отмеченных признака развития теоретической социологии в России. За 30 лет работы заинтересованных в теории авторов и ориентированной на творческий поиск редколлегии одной проблемой стало меньше — теоретическая социология у нас теперь есть, правда сейчас она сталкивается с множеством новых проблем собственного развития и социального развития в быстро меняющемся мире. В стремлении внести вклад в решение этих проблем, ответить на вызовы «турбулентной» современности создавался и издается сборник «Проблемы теоретической социологии», ставший уникальной творческой лабораторией и коммуникационной платформой для российских и зарубежных социологов.

Литература

1. Актуальные проблемы критики современной буржуазной философии и социологии / ЛГУ им. А. А. Жданова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977–1987.
2. Мой, твой, наш, Ваш социологический... / под ред. С. И. Григорьева. Барнаул, 2000.
3. Новые идеи в социологии. Сб. статей под. ред. М. М. Ковалевского и Е. В. Де Роберти. Вып. 1–4. СПб., 1913–1914.
4. Проблемы теоретической социологии: сб. науч. ст. / под ред. А. О. Бороноева. СПб.: Петрополис, 1994.
5. Проблемы теоретической социологии Вып. 2. Сб. статей / под. ред. А. О. Бороноева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996.
6. Проблемы теоретической социологии. Вып. 3: Межвуз. сб. / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000.
7. Проблемы теоретической социологии. Вып. 4: Межвуз. сб. / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2003.

8. Проблемы теоретической социологии. Вып.5: Межвуз. сб. / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Астерион, 2005.
9. Проблемы теоретической социологии. Вып.6: Межвуз. сб. / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.
10. Проблемы теоретической социологии. Вып.7: Межвуз. сб. / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009.
11. Проблемы теоретической социологии. Вып.8: Межвуз. сб. / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Скифия-Принт, 2011.
12. Проблемы теоретической социологии. Вып.9. Межвуз. сб. / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Скифия-Принт, 2012.
13. Проблемы теоретической социологии. Вып.10. Межвуз. сб. / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Издат. центр эконом. ф-та СПбГУ, 2014.
14. Проблемы теоретической социологии: Межвуз. сб. Вып.11 / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Астерион, 2016.
15. Проблемы теоретической социологии: Межвуз. сб. Вып.12. / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Астерион, 2019.
16. Филиппов А. Ф. Теоретическая социология // Теория общества: Фундаментальные проблемы / под. ред. А. Ф. Филиппова. М., 1999.
17. Alatas S. Alternative Discourses in Asian Social Science: Responses to Eurocentrism. New Dehli: Sage, 2006.
18. Connell R. Southern Theory: The Global Dynamics of Knowledge in Social Science. Cambridge: Polity Press, 2007.
19. Ritzer G. Metatheorizing in Sociology // Sociological Forum. 1990. Vol.5. No. 1.

ПОНЯТИЕ ОБЩЕСТВА¹

I

Если такие науки, как биология, психология или социология рассматривать с дистанции безучастного наблюдателя, то можно прийти к мысли о том, что биология имеет дело с жизнью, психология — с душой или с сознанием, а социология — с обществом. Однако при ближайшем рассмотрении замечают, что эти дисциплины имеют характерные трудности с понятиями, которые должны обозначить единство их предмета. Понятие аутопойесиса нацелено непосредственно на эту проблему. Впервые оно было введено Умберто Матураной применительно к феномену жизни [1], но его применение возможно также и к сознанию, и к обществу, Речь идёт о таком понятии, которое фактически не играет какой-либо роли в этих дисциплинах, так что наш вопрос о том, почему имеется проблема обозначения единства предмета этих дисциплин с помощью научного понятия, остается.

В принципе не следует удивляться тому, что социология тоже имеет трудности в обозначении единства своего предмета. Можно ли использовать для этого понятие «социальное»? Но ведь это понятие слишком приятно, слишком приветливо, слишком добросердечно. Где были бы тогда асоциальное, преступность, аномия Дюркгейма? Можно было бы воспользоваться понятием общества, ведь в других дисциплинах и в публичной дискуссии привыкли причислять социологию к общественным наукам. Однако, когда пытаются определить понятие общества, то сталкиваются с трудностями: на передний план выходит слово, однако напрасно ищут понятие, которое обозначало бы подразумеваемый предмет с точностью, достаточной для теоретических целей.

¹ Статья выдающегося немецкого социолога-теоретика Никласа Лумана (1927–1998) была опубликована в сборнике «Проблемы теоретической социологии» в 1994 г. (Вып. 1, с. 25–42). Впервые статья появилась в словенском журнале «Teorija in Praksa» в 1991 г. (Vol. 28, p. 1175–1185) под названием «Pogem družbe». Перевод для «Проблем теоретической социологии» был осуществлен Н. А. Головиным по немецкому оригиналу рукописи под названием «Der Begriff der Gesellschaft», предоставленному лично Н. Луманом. — *Примечание отв. ред.*

Для отказа от использования понятия общества хотелось бы сначала получить исторические основания. Когда в конце прошлого столетия социология начала создаваться как академическая дисциплина, понятие общества уже имелось в наличии и имело собственную историю, было проблематичным, и некоторые даже считали его непригодным к употреблению в новой дисциплине. Отчасти это понятие было компонентой различения, которое вело к исчезновению того, что нужно было обозначить им: государство и общество или общество и сообщество (исчезновению среди деталей, или лучше выразиться, среди фалд?). Им часто злоупотребляли в идейно-политическом отношении, вследствие чего оно было предметом идеологических споров. Если не желали полностью отказаться от него вслед за «формальной социологией», то следовало бы уточнить его по отношению к собственной истории. Однако этого все-таки никогда не удавалось сделать в действительности.

Итак, то были проблемы наших уважаемых классиков. Это не наши проблемы. Если социология и сегодня остается в нерешительности перед этими препятствиями, то здесь должны играть роль другие причины. Я полагаю, что можно говорить об «obstacles épistémologiques»² как о предубеждениях именно и том смысле, который связал с этим понятием Гастон Башляр [2: 13]. У традиционных ожиданий по отношению к понятию, которые не могут быть устранены или заменены (или это может быть сделано лишь с трудом, лишь в контексте совершенно новой парадигмы) имеются известные преимущества. Я хотел бы привести три таких obstacles, которые мне кажутся наиболее важными:

1) Первое касается допущения о том, что общество состоит из людей или из отношений между людьми. Я называю его гуманистическим предубеждением. Как следует это понимать? Что оно состоит из рук и ног, мыслей и энзимов? Что парикмахер стрижет волосы общества? Нужно ли при случае вводить ему немного инсулина? Какого рода операции характеризуют общество, если химия клетки относится к нему в такой же степени, как и алхимия бессознательных вытеснений? Очевидно, что гуманистическое предубеждение наме-

² Эпистемологических препятствиях (франц.). — *Примечание отв. ред.*

ренно основывается на нестрогости понятий, но тогда следует задать вопрос: почему? И теоретик сам нуждается в помощи.

2) Второе предубеждение, которое блокирует развитие понятий, заключается в допущении территориального многообразия обществ. Китай — это одно общество, Бразилия — другое; Парагвай одно, следовательно, Уругвай — другое. Однако все усилия, направленные на строгое отграничение обществ, не удаются, безразлично, ориентируются ли они на государственную организацию или на язык, культуру, традиции. Хотя на этих территориях имеются необозримые различия в жизненных условиях, но они должны быть объяснены в качестве различий внутри общества, а не допускаться в качестве различий между обществами. Иначе получается, что социология пытается решить свою центральную проблему посредством географии?

3) Третье предубеждение носит теоретико-познавательный характер. Оно следует из различения субъекта и объекта. Согласно теории познания, господствовавшей вплоть до нашего столетия, субъект и объект (так же как мышление и бытие, познание и предмет познания) следует полагать разделенными и считать наблюдение и описание мира возможными *ab extra*³; признавать познание как таковое только тогда, когда удалось избежать всякого переплетения со своим предметом. Лишь субъекты обладают привилегией самореференции, а объекты являются такими, каковы они есть.

Однако совершенно очевидно, что общество является самоопи-сываемым объектом. Общественные теории являются теориями общества в обществе. Если это было бы недопустимо в теоретико-познавательном отношении, то невозможно было бы дать понятие общества соответствующей строгости. Иначе говоря: понятие общества должно быть образовано автологично. Оно должно содержать и само себя. Вне социологии такое положение дел является совершенно привычным. Впрочем, понятие автологии, само являющееся автологичным понятием, возникло в лингвистике. О распространенности этого воззрения свидетельствуют такие имена, как Витгенштейн или Хайнц фон Фёрстер, Георг Спенсер Браун или Готхард Гюнтер. Лингвистический поворот в философии делает его неизбежным, точно так же, как и требование Квинеса о натуралистической эпистемологии. По-

³ Извне (лат.). — Примечание отв. ред.

чему же тогда социология должна противиться себе как раз там, где ее предмет особенно близок ей? Наверно, именно поэтому! Наверно, она знает общество слишком хорошо, а также слишком критически для того, чтобы чувствовать себя в нем уютно. Тогда следовало бы считать ее смелой. Но ведь тогда не требовалось бы сводить дело к утвердительным суждениям, консенсусу, конформизму. Совсем наоборот: теологическим прототипом наблюдателя системы в самой системе является дьявол! Или Персей, который обезглавливал Медузу окольным путем и с такой легкостью, которую прекрасно изобразил Итало Кальвино в своей «Lezioni Americane» [3: 6].

Во всяком случае ничего не происходит оттого, что одни держатся на плаву с помощью мелкой эмпирии, а другие, как во Франкфурте⁴, культивируют страх перед изменениями, закоснели в упорном отказе от них или настраиваются враждебно по отношению к каждому, кто не разделяет веру в утопию нормативно требуемой рациональности. Проблема является скорее проблемой выдвижения теории, однако развитие в междисциплинарных или трансдисциплинарных науках, таких как: cognitive sciences⁵ или кибернетика, системная теория, теория эволюции, теория информации, дает достаточно стимулов для ее решения.

II

При осуществлении такой попытки я предлагаю исходить из понятия системы. Конечно, это еще не обещает многого, так как это понятие употребляется в совершенно разных смыслах. Первое уточнение, немедленно приводящее в необычную область, состоит в том, чтобы понимать под системой не определенные сорта **объектов**, а определенное **различение**, а именно: различение системы и окружающей среды. Это следует уяснить точно. Для этого я заимствую понятия, с помощью которых Георг Спенсер Браун осуществляет введение в свое произведение «Laws of Form» [4]. Система является формой различения, то есть имеет две стороны: систему (как внутреннюю сторону формы) и окружающую среду (как внешнюю сторону формы). Лишь **обе** стороны производят различение, производят форму, производят понятие. Таким образом, окружающая среда является для

⁴ Речь идет о Франкфуртской школе. — *Примечание отв. ред.*

⁵ Когнитивные науки (англ.). — *Примечание отв. ред.*

этой формы столь же важной, столь же необходимой, как и сама система. Форма в качестве различения является закрытой. У Спенсера Брауна это называется: «Distinction is perfect continence»⁶ [4: 1]. Это означает, что все, что можно описать и наблюдать с помощью этого различения, относится либо к системе, либо к окружающей среде. Уже здесь обращает на себя внимание нечто необычное. Относится ли единство системы к системе или к окружающей среде? Где находится граница формы? То, что разделяет обе стороны формы — граница между системой и окружающей средой, — обозначает единство формы и именно поэтому не может быть отнесена ни к одной, ни к другой стороне. Граница существует лишь как указание пересечь ее — будь то изнутри вовне, будь то извне вовнутрь.

Пока оставим в стороне трудные вопросы такого рода. Их невозможно обсуждать на уровне развития теории такой малой сложности.

Вместо этого мы должны выяснить вопрос о том, каким образом производится различение системы и окружающей среды, так как понятие исчисления форм у Спенсера Брауна предполагает время, работает со временем, истолковывается посредством времени, подобно логике Гегеля.

При этом понятие производства (или понятие «poiesis» в отличие от понятия «praxis»⁷) выбрано сознательно, так как оно предполагает различение в качестве формы и допускает, что произведение может быть изготовлено также и тогда, когда производитель не может сам создать все необходимые для этого причины. Как легко можно заметить, это подходит для различения системы и окружающей среды. Система располагает внутренними и внешними причинами производства своего продукта, а внутренние причины можно задать таким образом, что возникнут достаточные возможности для комбинации внешних и внутренних причин.

Однако сама система является производимым произведением, или точнее, формой системы, различением системы и окружающей среды. Именно это обозначается понятием **аутопойесиса**. Оно введено эксплицитно в противоположность возможному понятию ау-

⁶ Различение является совершенно самодостаточным (англ.). — *Примечание отв. ред.*

⁷ Понятия производство и опыт (греч.). — *Примечание отв. ред.*

топраксиса. При этом не идет речь о действиях, направленных на самоудовлетворение: курении, плавании, болтовне, *raisonner*⁸ (это невозможно выразить по-немецки). Тогда понятие аутопойесиса с необходимостью ведет к трудному, часто неправильно понимаемому понятию **оперативной закрытости системы**. Это понятие, конечно, еще ничего не означает в отношении производства. Оппоненты часто усматривают в нем причинную изолированность, автаркию, когнитивный солипсизм. В большей степени оно является необходимым следствием того тривиального факта (а в понятийном отношении тавтологичного), что никакая система не может оперировать за своими границами. Это приводит нас к заключению о том, что речь должна идти об **оперативно закрытой аутопойетической системе** (если вообще есть желание применять понятие формы системы), образующему первый этап прояснения понятия общества.

На таком уровне абстракции не сразу замечают, что это означает. А мы ведь уже находимся по ту сторону всяческих *obstacles epistemologiques*, казавшихся нам сомнительными, так как оперативная закрытость исключает из общественной системы как людей, так и страны. Вместо этого она включает операции самонаблюдения и самоописания. Однако гуманисты и географы могут быть спокойны, так как окружающая среда является неизбежным компонентом различения, она относится к форме системы. Когда мы исключаем из общества людей в качестве живых и сознательных систем и страны с их географическими и демографическими особенностями, они не утрачиваются для теории. Они лишь находятся не там, где их предполагали с фатальными следствиями для развития теории. Они находятся не в обществе, а в его окружающей среде.

III

Нам еще только предстоит наиболее важная часть работы над понятием общества. Она вызвана вопросом о том, какие именно операции производят общественную систему, причем из собственных продуктов, т. е. воспроизводят ее.

Речь должна идти о точно указанном способе оперирования. Если, как это часто бывает, называют для надежности много операций, та-

⁸ Размышления (франц.). — *Примечание отв. ред.*

кие как мышление и действие, образование структуры и протекание процессов, то искомое единство исчезает в блеклости и безвкусице «И» (следовало бы запретить всякие «И» при построении теории). Мы должны несколько рискнуть при определении способа оперирования, при помощи которого общество производит и воспроизводит себя. Иначе понятие теряет всякие очертания.

Мое предложение: положить в основу понятие коммуникации и тем самым переформулировать социологическую теорию на базе понятия системы вместо понятия действия. Это позволяет представить социальную систему как оперативно закрытую систему, состоящую из собственных операций, производящую коммуникации из коммуникаций. В случае понятия действия едва ли возможно избежать внешних референций. Действие, поскольку оно должно быть отнесено, требует отнесения к несоциально конституированным обстоятельствам: к субъекту, к индивидууму, а исходя из всех практических целей — даже и к живому телу; то есть, к месту в пространстве. Лишь с помощью понятия коммуникации социальную систему можно мыслить как аутопойетическую систему, которая состоит из элементов, а именно: из коммуникаций, производящих и воспроизводящих себя посредством сети именно этих элементов, посредством сети коммуникаций.

Таким образом, теоретическое решение в пользу воззрения на общество как на аутопойетическую систему и в пользу характеристики операций, воспроизводящих систему, как коммуникаций, должно быть принято изначально. Они взаимно обуславливают друг друга. Это означает также, что понятие коммуникации становится решающим фактором для определения понятия общества. В зависимости от того, как определяют коммуникацию, определяют и общество, а определение понимается здесь в точном смысле этого термина как определение границ. Иными словами, построение теории должно осуществляться с двух точек зрения: с одной, направленной на понятие системы, и с другой, направленной на понятие коммуникации. Лишь таким образом оно приобретает требуемую строгость.

В этой ситуации изменяется уже само понятие коммуникации. Его невозможно свести ни к понятию коммуникативного действия и констатировать участие другого, будь то в качестве простого эффекта этого действия, будь то в качестве нормативного вывода в смысле

Хабермаса, ни к пониманию коммуникации как переносу информации от одного места к другому. В случае подобных воззрений тем или иным образом предполагались бы носители происходящего, которые не были бы сами конституированы посредством коммуникации. Напротив, комбинация системной теории и теории коммуникации требует понятия коммуникации, позволяющего сказать, что все коммуникации производятся только коммуникацией — само собой разумеется, что в окружающей среде, допускающей и выдерживающей это.

Для этого можно воспользоваться различием, ставшим обычным со времен Карла Бюлера и восходящим к античным традициям. Я переформулирую его как различие информации, сообщения и понимания. Коммуникация осуществляется лишь тогда, когда можно синтезировать эти три аспекта. В отличие от простых восприятий поведения, в основу понимания должно быть положено различие акта сообщения и самой информации. Именно из него и следует исходить. Без такого «primary distinction»⁹ коммуникация вообще не осуществляется. Если эта предпосылка удовлетворяется, а в случае языка это всегда имеет место, то дальнейшая коммуникация может заниматься сама собой. Тогда и только тогда она достаточна и достаточно сложна для этого. Тогда она может заниматься информацией или основаниями того, почему нечто высказывается непосредственно здесь и теперь; или трудностями понимания смысла коммуникации, или, наконец, следующим шагом: должен ли предложенный смысл быть принят или отклонен. Таким образом, различие информации, сообщения и понимания является тем различием, которое производит различения и которое, будучи однажды совершенным, поддерживает деятельность системы. Как легко можно заметить, это корреспондирует с понятием информации Бетсона как различения, производящего различение. Коммуникация есть не что иное как та операция, которая осуществляет такую трансформацию различений в различения.

При этом важно учитывать, что отдельное событие коммуникации завершается вместе с пониманием. Тем самым еще не решено, будет ли понятое положено в основу дальнейшей коммуникации или нет. Это может быть, но также может и не быть. Коммуникации могут быть

⁹ Первичного различения (англ.). — *Примечание отв. ред.*

восприняты или отклонены. Всякое иное воззрение имело бы абсурдное следствие о том, что отклоненные коммуникации вообще не являлись коммуникациями. Отсюда следует, что неверно приписывать коммуникации имманентную, квази-телеологическую тенденцию к консенсусу. Иначе все давно бы уже кончилось и мир был бы безмолвен, как вначале. Однако коммуникация не исчерпывает себя, как раз на пути провоцирования самой себя она производит больше, создавая на каждом шагу бифуркацию восприятия и отклонения. Каждое коммуникативное событие закрывает и открывает систему. И только вследствие этой бифуркации может иметь место история, ход которой зависит от того, какое направление будет избрано: «да» или «нет».

IV

Если принято это понятие коммуникации, то сразу снимаются все обычные *obstacles epistemologiques* обычной теории общества; на их место заступают проблемы, которые лучше подходят для теоретически обоснованного научного исследования.

Исходя из этого становится ясно, что конкретные люди являются не частью общества, а частью его окружающей среды. Нет большого смысла утверждать, что общество состоит из «отношений» между людьми. Понятие коммуникации содержит в себе гораздо более точное предположение (но и реконструирует то, что полагают обычные социологи, когда говорят об «отношениях»). Например, недостаточно того, что один человек видит или слышит другого, даже если он наблюдает его поведение с помощью различения сообщения и информации. Если о ком-то говорят или пишут, этого также еще недостаточно для того, чтобы отношение к нему считалось социальным отношением. Социальной операцией является лишь сама коммуникация.

Понятие территориальных границ также становится излишним, и тем самым излишне предположение о многообразии региональных обществ. То, какое значение имеет пространство и пространственные границы, следует из их коммуникативного использования, но сама коммуникация не имеет пространственного места. Вследствие своего материального субстрата она, конечно, может быть зависима от пространственных условий. В мире животных пространственные отношения являются одним из важнейших, если не единственным способом выражения социального порядка, но эволюция социокультурно-

го мира благодаря языку, письменности, телекоммуникации настолько уменьшает значение пространственных отношений, что сегодня следует исходить из того, что коммуникация определяет оставшееся значение пространства, а не наоборот, не пространство допускает и ограничивает коммуникацию.

Наконец, с помощью понятия коммуникации можно хорошо пояснить, что общество является самоописывающей и самонаблюдающей системой. Уже простая коммуникация возможна лишь в рекурсивной сети предшествующей и последующей коммуникации. Такая сеть может сама себя тематизировать, может информировать себя о собственных коммуникациях, может подвергать информацию сомнению, не принимать ее, нормировать коммуникации как допустимые или не допустимые и т. д. — так как все это происходит лишь с ее стороны в оперативной форме коммуникации. Тем самым становится ясным двойное положение вещей: что общество является самоописывающей и самонаблюдающей системой и что оно не только может использовать свой способ операций, но и должно это делать, чтобы осуществить такие самореферентные операции. Это также относится к науке, в том числе и к социологии. Все коммуникации об обществе связаны с их стандартизацией обществом. Какой-либо внешний наблюдатель со сколько-нибудь достаточной компетенцией отсутствует, хотя каждое отдельное сознание может размышлять о том, чем оно считает общество; а каждая иммунная система может наблюдать себя, принимая во внимание болезни, возникшие лишь за счет совместной общественной жизни людей и т. д.

Теперь мы можем определить понятие общества в качестве промежуточного результата. Общество является всеобъемлющей системой всех коммуникаций, воспроизводящих себя аутопоиетически, в то время как она производит все новые (и все время другие) коммуникации в рекурсивной сети коммуникаций. Эмерджентность такой системы включает коммуникации, так как они способны к подключению лишь внутренним образом. Все другое она исключает. Таким образом, воспроизведение одной из таких систем требует способности различения системы и окружающей среды. Коммуникации могут опознавать коммуникации, отличать их от других обстоятельств, относящихся к окружающей среде в том смысле, что хотя и можно совершать коммуникацию через них, но не с ними.

Это приводит к вопросу том, что меняется, когда мы используем это понятие? Что станет видимым и невидимым, если мы наблюдаем с помощью заданной тем самым формы? Открывает ли нам это понятие доступ к «*alla totalita del dicibile e del non dicibile*»¹⁰?, если использовать формулировку Итало Кальвино из «*Lezioni Americane*» [3: 72].¹¹

Мы теряем возможность делать высказывания о «человеке» (в единственном числе) для того, чтобы начать с этого. Многими это воспринимается болезненно. Но если верно, что «человек» вообще появляется лишь с конца XVIII века, то можно с достаточным основанием сказать: *forget it!*¹² Он относится к переходному времени, когда еще было невозможно адекватно описать современное общество, вместо этого нужно было пускаться в иллюзии будущего для того, чтобы за счет семантической ассоциации «общество-будущее-человек» сохранить надежду на целостность, способную к улучшению. Эта проекция мнимого человека (или еще хуже: образа человека) должна была отказаться от того, чтобы определить человека через его отличие от минералов, растений и животных.¹³ Поэтому она предложила себя в форме понятия без противоположного понятия, что означает посредством различения плохих и хороших людей с большой вероятностью оказаться в сфере морали.

Пожертвует этим, с легким или тяжелым сердцем, как угодно. Что же мы выигрываем, если вместо этого предлагаем дифференциальное понятие, а именно: понятие общества в форме, которая требует разделить все на систему и окружающую среду и избегать высказываний о единстве различения?

Этот вопрос следует обсудить на трех примерах: применительно к языку, применительно к отношению индивидуума и общества и применительно к понятию рациональности.

¹⁰ К тотальности высказанного и невысказанного (итал.). — *Примечание отв. ред.*

¹¹ Сравните также с работой «Речь и молчание» [5]. — *Примечание автора.*

¹² Забудьте об этом! (англ.). — *Примечание отв. ред.*

¹³ Термин XVIII века «*human kind*» еще повсюду имел такой смысл, в то время как термин «*humankind*», согласно указаниям американских издателей, служит сегодня для того, чтобы избежать выражения «*mankind*» (мужское существо), дискриминирующего женщин. — *Примечание автора.*

V

Что касается языка, то системно-теоретическое понятие общества близко к отказу от представления о том, что язык является системой. Лингвисты вслед за де Соссюром хотели бы придерживаться этого представления, так как им кажется, что оно защищает академическую самостоятельность их дисциплины: однако невозможно понять язык и общество одновременно как системы. Общая область была бы слишком велика, но не вела бы к полному совпадению понятий, так как имеется еще и невербальная коммуникация. Отношение двух этих систем друг к другу было бы неясным. Лингвисты, конечно, могут симпатизировать такому представлению, не будучи социологами, однако дифференциация дисциплины не является достаточным ответом на содержательные вопросы.

Если понятие системы не следует более применять к языку, то это, само собой разумеется, не означает, что феномен языка теряет значение. Имеет место как раз обратное. Освободившееся место в теории можно заполнить иначе, а именно: с помощью понятия структурного соединения. Это понятие было введено Умберто Матураной [1: 14, 243] для обозначения того, как оперативно закрытая аутопойстическая система может существовать в окружающей среде, которая, с одной стороны, является предпосылкой аутопойсиса системы, но с другой стороны, не вмешивается в этот аутопойсис. Проблема, которую решает это понятие, состоит в том, что система может определить себя лишь через собственные структуры, а именно: через структуры, которые можно построить и изменить посредством собственных операций; но, конечно, не может быть оспорено то, что такой вид оперативной автономии предполагает содействие окружающей среды, ее пригодность для этого. Жизнь существует лишь в определенных физических или химических условиях окружающей среды, даже тогда, когда мир не может определить, к чему идет дело. Или, как выражает это Матурана, структурные соединения расположены ортогонально к аутопойсису системы. Они не содействуют операциям, способным воспроизводить саму систему — т. е. в данном случае — коммуникациям. Но они некоторым образом нарушают систему, приводят ее к возбуждению, которое затем внутренним образом приводится в форму, с которой система может работать. В этой

связи можно напомнить о паре понятий Пиаже «ассимиляция» и «аккомодация» или о трактовке функционалистской психологией генерализованных ожиданий и разочарований.

Применительно к коммуникации это понятие позволяет сказать, что язык, благодаря своему очевидному своеобразию, служит структурному соединению языка и сознания. Язык обеспечивает отдельное существование коммуникации и сознания, а также общества и индивидуума. Мысль никогда не может **быть** коммуникацией, но и коммуникация — мыслью. В рекурсивной сети своих собственных операций коммуникация всегда имеет другие предшествующие и другие последующие события, протекающие в поле зрения индивидуально-го сознания. На оперативном уровне какие-либо пересечения отсутствуют, речь идет о двух оперативно закрытых системах. Решающее значение имеет то, что языку удастся соединять системы несмотря на это и при их различных способах оперирования. Язык достигает этого за счет своей искусственной необычности в акустической среде звуков и, затем, в оптической среде письменности. Он может очаровывать сознание, центрировать его и одновременно воспроизводить коммуникацию. Таким образом, его функция состоит не в опосредовании референции и в отношении внешней среды, а исключительно в структурном соединении.

Однако это все-таки одна сторона его вклада. Как и все структурные соединения, язык обладает эффектом включения и исключения. Он повышает возбудимость сознания посредством коммуникации и возбудимость общества посредством сознания, так что собственные состояния превращаются в язык и в понимание или, соответственно, в непонимание. Но одновременно для общественной системы **исключаются другие** источники возбуждения. Это значит: язык изолирует общество почти от всех событий окружающей среды физического, химического рода или событий, формирующих образ жизни, за исключением единственного возбуждения импульсами сознания. Подобно мозгу, который за счет исключительно малой способности глаз и ушей к резонансу почти полностью изолирован по отношению ко всему, что происходит в окружающей среде, общественная система почти полностью изолирована от всего, что происходит в мире, с помощью узких путей для раздражения, которые канализируются сознанием. Также, как в случае мозга, эта почти полная изоляция об-

щества является условием оперативной закрытости и возможностью построения высокой собственной сложности.

VI

Эти размышления уже приблизили нас к тому, что следует сказать об отношениях индивидуума и общества. Сначала следовало бы еще раз напомнить о соответствующих *obstacle epistemologiques*: социология больше не может с успехом понимать индивидуума как часть общества, но она не может и отстраниться от этого представления. С тех пор, как она существует в качестве академической дисциплины, она занимается этой проблемой. В противоположность этому представленное нами понятие общества исходит из полного разделения индивидуума и общества. Согласно моему тезису, лишь на этой основе возможна программа теории, которая серьезно рассматривает индивидуума.

Со всей категоричностью говоря: «участие» индивидуума в обществе исключается. Между индивидуумом и обществом нет никакой коммуникации, так как коммуникация всегда является внутренней операцией общественной системы. Общество никогда не может выйти за свои пределы с помощью собственных операций и охватить индивидуума, с помощью собственных операций оно может воспроизводить лишь собственные операции, так как оно не может оперировать за пределами своих собственных границ. Это, собственно говоря, должно было бы быть легко понято (но почему же это не воспринимают?). То же самое справедливо в отношении жизни и сознания индивидуума. Операции, воспроизводящие систему, также и здесь остаются в системе. Ни одна мысль не может покинуть сознание, которое она воспроизводит. Не следует ли сказать: к счастью? Иначе что случилось бы со мной и как можно было бы мне развивать индивидуальность, если другие своими мыслями могли бы управлять моими мыслями? Как можно было бы представить себе общество в виде гипноза всех и всеми?

Конечно, остается возможность того, что индивидуум представляет общество, и что коммуникация в первую очередь использует личностей в качестве адресатов и в качестве тем. Но тогда следовало бы говорить не об индивидуумах (людях, сознании, субъектах и т. д.), о личностях в точном античном смысле слова. Имена и местоимения.

которые употребляются в коммуникации, не имеют ни малейшего сходства с тем, что они обозначают. Каждый не есть «я» точно такие, как слово «яблоко» не является яблоком.

Говорить всерьез об индивидуальности — значит понимать индивидуумов как продукт их собственной деятельности, как самореферентные исторические механизмы, которые каждой своей операцией определяют исходное состояние для дальнейших операций и могут делать это **лишь** посредством **собственных** операций.

Отсюда следует, что не существует нормативной интеграции людей в обществе. Иначе говоря, не существует норм, от которых невозможно было бы отклонение, если это кому-нибудь нравится. Не существует и консенсуса, если он должен означать, что эмпирические состояния, в которых находятся индивидуумы, каким-либо образом согласуются. Имеется лишь соответствующая схема наблюдения, в которой наблюдатель сам себя детерминирует к установлению того, что поведение согласуется с нормой или отклоняется от нее. Этим наблюдателем может быть также система, осуществляющая коммуникацию, — суд, средства массовой информации и т. д. Если спрашивают о реальной основе норм или консенсуса, то нужно наблюдать наблюдателя; а если отказаться считать бога наблюдателем мира, то остается множество других возможностей определения наблюдатель.

Лишь когда впервые воспринимают теорию в такой ее радикальности, можно видеть, что дает дополнительное понятие структурного соединения. Оно поясняет, что несмотря на эту оперативную закрытость в мире не происходит все, что угодно. Структурные соединения обеспечивают накопление определенных возбуждений и исключают другие. Тем самым возникают тенденции в развитии самодетерминации структур, которые зависят от того, с какими возбуждениями они имеют дело. Так, организмы настроены на силу тяготения Земли, причем часто очень специфическим образом. (Кит будет раздавлен весом своих собственных внутренних органов, если будет выброшен на берег). Человек, находящийся в особых шумах, которые функционируют в качестве языка, учится говорить. Каждое общество социализирует индивидуумов по ту сторону их структурных соединений и предназначено именно для этого. Язык является бинарно кодированным и может ответить на каждое сообщение утвердительно или отрицательно. Каждая норма будет направлена против возможности

отклоняющегося поведения. Тем самым общество размещает (полностью бесконтрольных) индивидуумов в опциональную схему. Оно считает свободой то, что не может изменить, и делает это в настолько сильно схематизированной форме, что коммуникация может быть продолжена через «да» или «нет», через конформное или отклоняющееся поведение, в зависимости от того, как решит индивидуум. В этом мы видим эволюционно крайне невероятные, очень высоко селективные устройства разделения и соединения систем, систем свободы и порядка.

VII

Свобода и порядок были проблемными терминами (или «переменными величинами») последнего убедительного понятия рациональности, которое создала Европа: как можно больше свободы при такой степени порядка, которая необходима, — так можно выразить кредо либерализма в форме, восходящей к Лейбницу. С тех пор имеются лишь продукты распада, будь то в виде различения нескольких понятий рациональности без определения рациональности *per se*¹⁴ (Вебер, Хабермас), будь то в форме различения рациональности и иррациональности, причем обе стороны различения являются справедливыми — и опять же: без указания того, в чем же именно состоят формулировки такого различения; или, иначе говоря, что обозначено в его форме. Этому соответствует элиминация понятия разума: из свойства человеческого существа он стал лишь аппроксимативно достижимым, в буквальном смысле слова утопическим идеалом.

Нелегко усмотреть, каким образом системно-теоретическое понятие общества вообще могло бы помочь в этой дилемме. В любом случае нет обратного пути к староевропейскому континууму рациональности бытия и мышления или природы и действия, при котором рациональность была бы непосредственно заложена в конвергенции этих различных понятий, то есть в том, что мышление присущим ему образом соответствовало бы бытию или действие присущим ему образом соответствовало бы природе. Все же при различении бытия и мышления, природы и действия всегда обращает на себя внимание своеобразная асимметрия, в которой, смотря с сегодняшней точки

¹⁴ Самой по себе (лат.). — *Примечание отв. ред.*

зрения, кажется скрытой структура рациональности. Если принято, что мышление в **собственном смысле** соответствует бытию и что действие **по своей натуре** — природе, то различие, очевидно, еще раз производится на одной из обеих его сторон, на мышлении, или, соответственно, на действии. Георг Спенсер Браун называет операцию, которая реализует такую структуру «re-entry»¹⁵ формы в форму или различием в различном посредством самого себя [4: 56, 69]. Контекст различения формы, в которой это происходит, близок к тому, чтобы при этом подумать о разрешении парадокса, а именно: парадокса применения различия, которое не может различить самого себя. Как всегда, при помощи этой активной (если не насильственной) интерпретации староевропейского понятия рациональности мы можем спросить о том, должно ли оно оставаться связанным с такими антропологическими (или гуманистическими) понятиями, как мышление и действие, или, как минимум, можно ли отделить от этого фигуру re-entry. Именно этот шаг с легкостью удастся системной теории, так как она и так уже определяет форму системы посредством (асимметричного) различения системы и окружающей среды.

Для общественной системы, точно так же, как и для системы сознания, такое re-entry является неизбежным. Оперативно осуществленная дифференциация системы и окружающей среды возвращается в систему в качестве различения самореференции и внешней референции. Коммуникация может быть осуществлена лишь таким образом, что система избегает совпадения своих операций с тем, о чем будут коммуницировать. Сообщение и информация должны быть различены и оставаться различенными, иначе вообще не состоится никакой коммуникации. Система оперирует в постоянном воспроизводстве различения самореференции и внешней референции. Это **есть** ее аутопойесис. Это впервые дает возможность осуществить ее оперативную закрытость. Точно так же сознание постоянно экстернализирует в каждой операции то, что ему внушает мозг, — орган для самонаблюдения состояния своего организма. Сознание также должно различать самореференцию и внешнюю референцию и посредством этого различения наблюдать себя самого в различении с окружающей средой. Именно потому, что оперативные вмешательства в окружа-

¹⁵ Повторное вхождение (англ.). — *Примечание отв. ред.*